

Toward Our Reformation: From Legalism to Value-Oriented Islamic Law and Jurisprudence

Мухаммад Омар Фарук

НА ПУТИ *к нашей*
Реформации: от законничества
К ЦЕННОСТНО-
ОРИЕНТИРОВАННЫМ
ИСЛАМСКОМУ ПРАВУ *и*
ЮРИСПРУДЕНЦИИ

МИР СОВРЕМЕННОГО ИСЛАМА

Мухаммад ‘Умар Фарук

**НА ПУТИ К НАШЕЙ
РЕФОРМАЦИИ:**

**ОТ ЗАКОННИЧЕСТВА
К ЦЕННОСТНО ОРИЕНТИРОВАННЫМ
ИСЛАМСКОМУ ПРАВУ
И ЮРИСПРУДЕНЦИИ**

Санкт-Петербург
Издательство «Петербургское Востоковедение»
2022

УДК 297
ББК Э38-2
Ф 25

*Книга издается под патронажем
Института Интеграции Знаний*

Мухаммад ‘Умар Фарук

Ф 25 На пути к нашей Реформации: от законничества к ценностно ориентированному исламскому праву и юриспруденции / пер. с англ. Е. В. Музыкиной. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2022. — 36 с. (Серия «Мир современного ислама»: «Books-in-Brief», XX).

ISBN 978-5-85803-596-1

Настоящее издание заявляет о возвращении к ключевым исламским ценностям и отстаивает при этом ценностно ориентированный подход. Автор показывает, что шариат, на деле являющийся подлинной основой для мусульманского общества, со временем превратился в запутанный лабиринт схоластических взглядов, препятствующий развитию уммы. А использование недостоверных хадисов и ошибочное внедрение закона о *худ’уд* обернулось отходом от духа Корана и наследия пророка Мухаммада, создав тем самым предпосылки для возникновения псевдошариата. Автор доказывает, что преобладающие в мусульманском мире условия не изменятся до тех пор, пока сначала не изменятся мусульманская мысль и понимание основополагающих источников ислама.

Книга привлечет внимание широкого круга читателей, интересующихся современным исламским миром.

*Взгляды и мнения, выраженные в данной книге, принадлежат автору
и могут не совпадать с мнением издателя.*

ISBN 978-5-85803-596-1

9 785858 103596 1

© Международный институт исламской мысли, 2015

© Институт Интеграции Знаний,
издание на русском языке, 2022

Про серию

Серия «Мир современного ислама» знакомит российского читателя с серией «Books-in-Brief», которая является собранием главных изданий Международного института исламской мысли, представленных в кратком изложении. Облегченный формат позволяет сэкономить время, давая при этом читателю реальную возможность составить впечатление о полной версии каждой книги, и помогает вникнуть в суть оригинала.

Серия состоит из своего рода синопсисов-обзоров полных изданий, которые, как мы надеемся, будут побуждать читателей к дальнейшему, более глубокому изучению оригиналов.

Серия состоит из 27 книг, разделенных на три собрания. Третье собрание включает следующие 9 книг:

Ахмад ар-Райсуни

Аш-Шура: Коранический принцип совещания

▼ *Мухаммад 'Умар Фарук*

На пути к нашей Реформации: от законничества к ценностно ориентированному исламскому праву и юриспруденции

Фатхи Хасан Малкави

Оценивание интеллектуального строения, а также структуры мысли и разума

Мусфир бин 'Али ал-Кахтани

Понимание макасид аш-шари'а: современный взгляд

Бенауда Бенсаид

Слуга Бога и человечества — наследие шейха Мухаммада ал-Газали

Бадран Бенлахсен

Социально-интеллектуальные основы подхода Малека Беннаби к цивилизации

Мухаммад ат-Тахир ибн Ашур

Трактат о целях шариата

Фатхи Хасан Малкави

Эпистемологическая интеграция: основы исламской методологии

Зульфикар 'Али Шах

Антропоморфные описания Всевышнего в иудейской, христианской и исламской традициях. Представляя Непредставимое

В книге «На пути к нашей Реформации» автор утверждает, что в основе трудностей, переживаемых мусульманами, лежит невежество и/или отсутствие приверженности основным исламским ценностям. Мухаммад ‘Умар Фарук выступает за возврат к тому, что он называет «ценностно ориентированным» подходом. Из его работы мы узнаем, что то, что мы считаем шариатом сегодня, на самом деле является своеобразным сложным сплетением идей, окутанным лабиринтом схоластических взглядов и выводов, которые, по сути, служат препятствием для развития мусульман. Автор утверждает, что чрезмерное использование сомнительных хадисов и ошибочное применение закона *худо́д* предаёт дух Корана и послание Пророка. Следствием этого является вопиюще оскорбительное обращение с мусульманами. Автор исследует неверное применение закона *худо́д* и, как следствие, отношение к его носителям.

Глава первая

Вступление

Люди хотят получать точную информацию практически обо всем, что их интересует. Ислам придает первостепенное значение тому, чтобы его последователи были информированными, образованными, проницательными, умеющими различать добро и зло, а также просвещенными людьми. Ислам настаивает на том, чтобы верующие проявляли свои критические способности и не были приверженцами-фанатиками. Кроме того, он категорически осуждает тех, кто без разбора идет по стопам своих предков, слепо подражая им, при этом сам не зная и не понимая того, что делает или практикует. Действительно, Коран утверждает, что истинной вере предшествуют знания и понимание, на которых она основана. Учение пророка Мухаммада по этому поводу также недвусмысленно подчеркивает поиск знания. Действительно, из всех забот, которые считаются обязательными (*фард* или *ваджиб*) для мусульман, поиск знаний и получение образования — это то, для чего специально используется слово *фард*.

Наиболее образованные мусульмане знают, что есть четыре основных источника исламского права: Коран, хадисы (пророческие повествования), *иджма* (консенсус) и *кийас* (суждение по аналогии). Фактически на протяжении всей истории ислама наши благородные ученые и юристы открыто искали ответы и поощряли людей задавать вопросы, что являлось частью исламской традиции.

Однако с течением времени ученые начали чувствовать себя некомфортно, пытаясь сохранить открытость мышления, что еще больше усугублялось существованием ограниченного методологического инструментария, и это подчеркивалось неоднократно на протяжении столетий. Из-за ряда факторов, как внутренних, так и внешних, в течение длительного периода истории исламская цивилизация начала постепенно приходить в упадок. И по мере ее отхода в тень в условиях жесткой конкуренции, соперничества и даже насилия западная цивилизация стала доминировать. Когда западные силы безжалостно колонизировали мусульман, а также остальной мир, западные законы и кодексы вытеснили исламские правовые институты и принципы.

Данная ситуация еще больше усугубляется стремлением возрожденцев установить власть шариата над определенной группой населения или ввести в действие его правила. При этом шариат часто неверно истолковывается и представляется как исламский закон. Даже в тех странах, чья конституция не основана на религиозном праве, общая культура и социальная среда обусловлены влиянием исламского закона на мусульманское население в целом.

Ирония заключается в том, что, несмотря на огромное значение, которое придавалось интеллектуальным усилиям на протяжении предыдущих веков, уровень неграмотности в мусульманских странах является одним из самых высоких в современном мире. Фундаментальные знания и понятия исламской веры, которым мусульмане должны следовать, которые должны отстаивать и к принятию которых они должны приглашать других, практически находятся в пренебрежении. Одна из основных причин такого трагического положения вещей — неспособность обычных мусульман развить в себе критический склад ума и интеллектуально дисциплинировать себя для обдумывания, размышления, рассуждения и вынесения суждений. В данной книге исследуется ограниченность методологического инструментария, основанного на этих первостепенных источниках в том виде, в котором они традиционно использовались.

Независимо от получаемого нами собственного зеркального отражения и отражения нашего преобразования (*ислāх*) мы всегда должны помнить следующее: (а) будучи людьми, мы обладаем огромным потенциалом изменить собственную жизнь, и Коран решительно напоминает нам, что мы должны внести свой вклад в инициирование изменений, начиная с самих себя (*Сура ар-Ра'ад* 13:11); (б) мы должны обращаться к сбалансированному и полезному руководству, содержащемуся в Коране и в наследии Пророка, с помощью которого мы можем преодолеть любой имеющийся у нас недостаток или те проблемы, с которыми мы сталкиваемся; и (в) у нас должно быть желание изменить мир к лучшему в духе *ислāх*.

Цель данной книги состоит в том, чтобы дать обычным мусульманам возможность лучше понять вопросы и проблемы, влияющие на них с исламской точки зрения, продемонстрировав те способы, с помощью которых они могут более эффективно черпать знания из Корана и наследия Пророка, чтобы наметить лучшее будущее для своей *уммы* в более совершенном служении человечеству. Вопросы, поднятые в этой работе, долгое время обходились стороной из-за их полемической природы. Действительно, реальные проблемы и трудности, стоящие перед мусульманским миром, — бедность, ущемление прав, неграмотность, нестабильность, авторитаризм, эксплуатация, несправедливость, экономическое неравенство, насилие, нарушения прав человека, нарушения прав женщин, технологическая и экономическая отсталость, зависимость от Запада и т. д., — не радуют. Для всего этого должны быть причины и должно быть решение.

Как результат независимого исследования в области исламского права и юриспруденции, работа предлагает обогащенную историческим прошлым перспективу, уважительно представляющую то, что было накоплено в области знания и мудрости на протяжении веков. Она стремится быть дальновидной, иницилируя дискурс, который, мы надеемся, откроет путь к лучшему будущему.

Глава вторая

Шариат, закон и Коран: законничество против ценностно ориентированного подхода

«Ибо не может быть никаких сомнений в том, что истинный шариат (как он представлен в Коране, проповедован Пророком и понимается его сподвижниками) теперь почти скрыт в лабиринте схоластических взглядов и выводов, в той настройке субъективных мнений, которые были накоплены на протяжении веков и теперь облачены в одежды фиктивной «власти»»¹.

Существует ли истинный шариат, как утверждает Мухаммад Асад в приведенной выше цитате? В данной главе обсуждаются и исследуются следующие аспекты: что понимается под шариатом и склонностью к законничеству, после чего следует обсуждение важности ценностной ориентации и касающихся этого ключевых принципов. Сегодня центр человеческой цивилизации полностью переместился из мусульманского мира на Запад. В то же время многие страны с мусульманским большинством² склоняются к традиционному исламу посредством введения шариата. Чем больше отдельная страна склонна к этому, тем больше тревожится не столько Запад, сколько разумные мусульмане по всему миру. Кроме того, многие мусульмане во всем мусульманском мире, а также на Западе кажутся разочарованными, проявляют нетерпение и даже взволнованность. Ввиду этих меняющихся обстоятельств существует острая необходимость задаться вопросом, что же такое шариат и как его понимание и восприятие влияют на нас в нашей современной жизни.

Концепция может быть искажена из-за неправильного восприятия, недопонимания, злоупотребления или неверного использования. Искажение шариата связано с его неполным и дискриминационным использованием диктаторскими, авторитарными и наследственными режимами, зачастую применявшими его к простым людям, в основном бедным, в то время как власть имущие и богатые избегали возможности сурового наказания. Шариат в основном ассоциировался с установлением института наказаний *ху́дуд*, призванного воплощать законы шариата через исполнение наказаний, упомянутых в Коране и Сунне. На деле же это было

---

¹ M. Asad, *This Law of Ours and Other Essays* (Gibraltar: Dar Al-Andalus, 1987), p. 28.

² В соответствии с плюралистической нормой и наследием ислама, как это видно из «Мединской конституции», сформулированной под руководством Пророка, вместо определения государства как «мусульманской страны» предпочтение отдается термину «страна с мусульманским большинством».

простое притворство, а также грубое нарушение духа справедливости, которого требует ислам. Наглядным примером является «Постановление о *худуд*», применяемое в отношении супружеской неверности и, что просто возмутительно, в ряде случаев приводящее к тюремному заключению жертв изнасилования, которым постоянно угрожает осуждение даже на смертную казнь³.

Однако решение проблемы состоит не просто в том, чтобы полностью отбросить понятие шариата или исключить сам термин, а скорее в том, чтобы очистить его от недопонимания, прояснить злоупотребления и убедиться, что практика веры разумно и сознательно соответствует заявленным идеалам. В данной главе утверждается, что существует фундаментальное непонимание ислама и шариата. Поэтому предлагается представить некоторые разъяснения относительно шариата в связи с современными проблемами.

Известные ученые, приверженцы преобразования мусульманского мышления, а также представители простых верующих, журналистов и демагогов часто приравнивают шариат к закону ислама. Это связано с тем, что довольно часто прикладываемые интеллектуальные усилия являются отражением текущего понимания, невзирая на возможные формулировки прошлого. Другая причина заключается в том, что в более поздний период классического исламского дискурса термин «шариат» использовался без объяснения, что предполагает его широкую известность и повсеместное понимание. Несмотря на то, что определение шариата как понятия отсутствовало в самом раннем классическом дискурсе, использование данного термина получило широкое распространение только в современную эпоху.

Шариат часто считают божественным установлением. Согласно Словарю Уэбстера, слово «божественный» означает «имеющий отношение к Богу или исходящий непосредственно от Бога»⁴. Итак, вопрос заключается в том, стоит ли считать шариат установлением, непосредственно ниспавшим от Бога. Ответ зависит от того, как определять рамки шариата. Если шариат эквивалентен закону ислама (*фикху*), то его нельзя считать божественным. В конце концов фикх, или исламский закон, — это в основном человеческая конструкция. Хотя Коран, один из *усул* (методологических источников), является божественным, другие, такие как хадисы, *иджма* (консенсус) и *кийас* (суждение по аналогии), не являются

---

³ Для получения соответствующей информации и анализа этого неисламского и бесчеловечного опыта см.: M. O. Farooq, “Rape and Hudood Ordinance: Perversions of Justice in the Name of Islam” (2006), <http://www.islamicity.com/articles/Articles.asp?ref=IC612-3179> [Accessed June 21, 2007]; A. Quraishi, “Her Honor: An Islamic Critique of the Rape Laws of Pakistan from a Woman-Sensitive Perspective,” Michigan Journal of International Law (18) (1997), pp. 287–320; A. Jahangir and H. Jilani, The Hudood Ordinance (Lahore, Pakistan: Rhotus Books, 1990).

⁴ Merriam-Webster Dictionary, см.: <http://www.m-w.com/dictionary/divine> [Accessed November 29, 2006].

такowymi. Следовательно, в том смысле, в котором обычно используется шариат, то есть когда детали законов не имеют божественного происхождения, но вместо этого они извлекаются из менее божественных (хадисов)⁵ и человеческих (*иджма* и *кийас*) источников, он не является божественным.

Часто считается, что шариат неизменен. Однако такие утверждения безосновательны, эмоциональны и бездоказательны. Такое понимание отражено в историческом развитии шариата как жесткого свода богословских догм и правовых кодексов. Шариат не является неизменным, поскольку в него вносились исправления под руководством различных посланников, таких как пророки Моисей, Иисус и Мухаммад. В то время как большинство традиционалистов вознесли шариат до уровня священного закона и фактически считают его неизменным, многие исламские правоведы, наоборот, признали, что значительная его часть изменяема исходя из обстоятельств и ситуации, согласно принципу: «Правила меняются в соответствии со временем и местом»⁶.

Нередко считают, что шариат — то же, что и сам ислам, — полный свод правил жизни. Ряд ученых представляют ислам как «исчерпывающий кодекс жизни», тем самым предполагая, что в исламе есть руководство для всех жизненных ситуаций и имеется решение для любой проблемы. Также существует представление о том, что, поскольку ислам предполагает автономный, самодостаточный образ жизни, мусульманам не следует искать ответы где-то еще. Однако ислам — это не справочник, где рассматриваются все современные проблемы и вопросы, с которыми могут столкнуться мусульмане. Если бы все проблемы и их решения действительно были известны или легко выводились, состояние мусульманского мира не было бы таким плачевно-удручающим. Фундаментальной ошибкой мусульманской мысли была чрезмерная зависимость от текста Священной книги. Такая непреклонность исламской мысли привела к бесплодию и застою в мусульманской интеллектуальной культуре. Однако ислам — это отнюдь не терминологический словарь; он больше похож на алфавит (строительные блоки слов). Многие слова можно проверить в словаре, а те слова, которые еще не сформированы, будут состоять из элементов алфавита.

Шариат часто путают с «законом». Более того, уравнивание шариата и исламского права приводит к глубокой путанице в отношении самого

---

⁵ Нам нужно быть предельно осторожными, используя такие термины, как «божественный», и быть предельно понятными в отношении того, что это означает на практике и к чему относится. Традицию Пророка нельзя приравнивать к бесспорной подлинности Корана. Коран уникален и самобытен и не может сравниться ни с чем другим.

⁶ Арабский оригинал: *Taghāyūr al-Aḥkām bi Taghāyūr al-Zamān wa al-Makān*. M. Zahraa, “Characteristic Features of Islamic Law: Perceptions and Misconceptions,” *Arab Law Quarterly* 15 (2) (2000), pp. 168–196, quoting Ibn al-Qayyim al-Jawziyyah, *I’lām al-Muwaqqi’īn ‘an Rabb al-‘Ālamīn* (Beirut: Al-Maktabah al-‘Aṣriyyah, 1987), vol. 3, pp. 14–70.

ислама. Если (а так оно и есть в действительности!) шариат связан со всем спектром жизни, то очевидно, что он не может быть целиком и полностью завязан на законе. К примеру, омовение, молитва, пост и так далее вообще не являются юридическими вопросами. Таким образом, превращение каждого аспекта исламского руководства в закон несовместимо с исламом. Несмотря на то, что аяты Корана, касающиеся правовых вопросов, составляют довольно небольшую часть всего текста, законническим тенденциям все же удастся свести Коран к набору правил. Однако превращение всего и вся в предмет закона добавляет к жизни незаслуженное бремя строгости, несовместимое с *фитрой* (врожденной человеческой природой). Коран призывает верующих сосредоточиться на стремлении избегать больших грехов (*каб'а'ир*). Это не означает, что последователи Бога должны легкомысленно относиться к другим грехам, однако из этого также не следует и то, что все стоит рассматривать как простой правовой вопрос.

Шариат часто применяют во всем его спектре, не проводя каких-либо различий между, например, совершением молитвы и преступления. Выполнение правил шариата обычно обсуждается в контексте надлежащих законов. В самом деле, наиболее непосредственным проявлением этого обычно является «исполнение» уголовного кодекса, известного как *худоуд*, то есть особых наказаний, предписываемых Кораном за определенные правонарушения (убийство, прелюбодеяние, кража и другие). Как указано выше, приравнивание шариата просто к исламскому закону ошибочно, потому что ислам в своей полноте охватывает не только правовые предписания, но также ценности, принципы, ритуалы и многое другое. Следовательно, все аспекты ислама могут быть реализованы на практике благодаря человеческому авторитету. Бог не заинтересован в принуждении, например, к молитве или посту либо в превращении общества в полицейское государство, чтобы в конце концов обеспечить соблюдение этих практик. Миссия Пророка была не более чем передачей послания. Если он действительно не являлся управителем (*мусайтир*) человеческих дел, то его последователи не могут брать на себя более масштабные обязанности.

Часто считается, что шариат дает ясное и недвусмысленное руководство по каждой жизненной ситуации. Это упрощенный взгляд. В вопросах, касающихся предписаний, Коран ясен и категоричен. Однако выполнять описанные в нем ритуалы непросто, если только не придерживаться строгого подхода, который часто дает результаты, противоречащие намерениям (*мақ'асид*) ислама. Рассмотрим следующие примеры. «Законы худоуд» в Пакистане, обнародованные при одном военном диктаторе, привели к лишению свободы и к заключению в тюрьму многих женщин, пострадавших от изнасилования. Несмотря на то, что они стали несчастными жертвами гнусного преступления, десятки женщин были заключены в тюрьмы и подвергнуты судебному

преследованию за причастность к этому акту в соответствии с упомянутой версией шариата⁷.

Другой пример из мусульманских сообществ — это односторонний, произвольный, нерегулируемый развод мужчины с женой посредством немедленного объявления тройного *талāқ* (развода), что часто, в свою очередь, приводит к изгнанию супруги из дома. Наоборот, процесс развода, предписанный Кораном, является мудрым, сбалансированным и деликатным по отношению к факторам, затрагивающим обоих супругов. Однако некорректная версия шариата, принимаемого за исламское право, подтверждает такую неисламскую практику. Тем не менее большинство школ исламской мысли согласились с ней, поддавшись духу законничества.

Законничество можно понимать как заикленность на законах, кодексах поведения или юридических идеях, без соблюдения баланса с милостью и благодатью Божьей. За века, прошедшие со времен Пророка, мусульманские сообщества все больше склонялись к законничеству, сводя все к черно-белому восприятию, правильному и неправильному, дозволенному и запретному. Законничество делает людей самодовольными, в то же время возвращая в них дух осуждения по отношению к своим братьям. Законничество создает среду, в которой люди постоянно беспокоятся о своей уместности, что приводит к попыткам придаться к мельчайшим деталям жизни. Однако Бог не хочет, чтобы этот мир был совершенным местом. Более важным является облегчение связи и взаимодействия человека с Создателем.

Коран оговаривает всего несколько правовых предписаний и представляет несравнимо больше способов руководства. Поскольку Пророк способствовал формированию соответствующей ценностной ориентации, существовал закон, но не законничество. Подразумевается, что ислам не является верой, ориентированной исключительно на текст. Дискурс исламской юриспруденции уже осознает необходимость ценностной ориентации. Среди ключевых тем в литературе можно выделить *мақāсид аш-шарй'а* (высшие цели шариата), определяемые как сохранение и защита *дйн* (веры; религии), жизни (*нафс*), семейной системы (*насл*), интеллекта (*ақл*), а также богатства или собственности (*мāл*)⁸.

Предлагаемая в данной работе ценностно ориентированная перспектива является более разветвленной. Некоторые считают, что *мақāсид* просто представляет ряд ценностей. Традиционная для данной концепции иерархия заставляет другие компоненты, такие как жизнь, семья, интеллект и собственность, подчиняться вере. Кроме того, основные формы иджтихада, включая ценностно ориентированную юриспруденцию,

---

⁷ M. O. Farooq, *Rape and Hudood Ordinance: Perversions of Justice in the Name of Islam* (2006).

⁸ I. A. K. Nyazee, *Islamic Jurisprudence (Usul al-Fiqh)* (Islamabad, Pakistan: Islamic Research Institute, 2000), p. 39; also, p. 202.

основаны на подходе, уделяющем первостепенное внимание тексту. Таким образом, благодаря критическому дискурсу, творческому и конструктивному интеллектуальному омоложению, моральной и религиозной ясности, которая является простой и недвусмысленной, динамичному подходу к решению проблем и ценностно ориентированному подходу, основанным на Коране, мусульмане, вдохновленные пророческим наследием и направляемые им, получают возможность лучше выполнять свой долг перед собой, перед человечеством и прежде всего перед своим великодушным Создателем.

Ориентация на ценности

Ценности и принципы отражают настоящий характер общества. Правовая система и среда также отражают ценности и принципы, которых придерживается данное общество. Постановка закона превыше ценностей или отделение его от них ведет к законничеству. Это все равно, что ставить телегу впереди лошади. Хан весьма уместно предлагает мусульманам: «Относитесь к исламу как к источнику ценностей, определяющему поведение, а не как к системе готовых решений проблем»⁹. Итак, каковы же основные ценности, которые мусульмане должны поддерживать и включать в свой процесс размышления, культуру и правовые рамки? Следующий список является иллюстративным и ни в коем случае не исчерпывающим:

1. Фундаментальные основы человеческого достоинства (каждый человек рассматривается как личность, а не объект или товар)

Бог освятил каждого из нас на человеческом уровне, и мусульмане должны быть в авангарде отстаивания фундаментального права на человеческое достоинство (*Сура Ан-Ниса 4:1*).

2. Правосудие

Ключевое внимание ислама к правосудию (честности) недвусмысленно. Он устанавливает стандарты, которые намного выше существующих в любой другой религии или идеологии, призывая своих последователей выступать за справедливость, даже если это влечет за собой действия, противоречащие собственным интересам (*Сура Ан-Ниса 4:135*).

3. Равенство (отсутствие дискриминации)

Будь то мусульманин или немусульманин, мужчина или женщина, черный или белый, ценностно ориентированной нормой ислама является равенство. В этом мире все люди равны, особенно в отношении того, что касается права на жизнь, честь и собственность. За все то добро и добродетели, которыми обладают мусульмане, Аллах вознаградит их в будущей жизни. Однако на человеческом уровне каждый должен считать другого равным.

---

⁹ M. Khan, "The Priority of Politics," Boston Review (April/May 2003), <http://www.bostonreview.net/BR28.2/khan.html> [Accessed October 7, 2006].

4. Свобода

То, что система взглядов ислама основана на свободе выбора, а не на принуждении, является одним из ключевых аспектов ценностно ориентированного подхода. Чтобы ислам снова стал актуальным, необходимо признание основы свободного выбора для тех, кто придерживается этой веры. Когда Пророк и его зарождающаяся община столкнулись с жестокими постоянными преследованиями, Аллах настойчиво напомнил Пророку о необходимости дорожить свободой. При соблюдении обычных параметров, применяемых в любом здоровом и функциональном обществе, никто не имеет права лишать других основополагающего права на выбор и свободу. Вероятно, самая большая и обширная область, связанная с выбором и принуждением, относится к роли государства в исламе. В свете собственного опыта с исламским правом и его неправильного применения многие мусульмане, а также большинство немусульман с большой осторожностью относятся к исламскому праву и к смешению политической и религиозной властей. Мусульманам необходимо представить более совершенную, функциональную модель государства и управления в соответствии с ценностями и принципами ислама.

5. Универсальные моральные ценности (*ма'рӯф*)

Вы были лучшей из общин, которая выведена пред людьми: вы приказывали одобряемое и удерживали от неодобряемого и веровали в Аллаха. А если бы уверовали обладатели писания, было бы лучше для них. Среди них есть верующие, но большая часть — распутники (*Сура Ал-Имран 3:110*).

Призыв Корана придерживаться *ма'рӯф* и отдаляться от *мункар* относится к моральным ценностям в универсальном смысле. И *ма'рӯф*, и *мункар* имеют широкий диапазон значений, а четкое понимание этих двух концепций привносит решающий смысл в жизнь мусульманина.

6. Ориентация на человечество и планетарная принадлежность

Есть уровень, на котором все люди принадлежат семье. На другом уровне они принадлежат нации или стране. Есть также совершенно иной уровень, на котором мусульмане принадлежат к мусульманской *умме*. На еще одном уровне все принадлежит человечеству. Конфликта между этими ощущениями принадлежности не должно быть. Семья и нация часто не являются выбором человека; в них рождаются индивиды, принадлежащие к определенной семье и кругу родственников по биологическим и другим связям. Национальная принадлежность становится сегодня все более изменчивой благодаря увеличению глобальной мобильности людей. Тем не менее вполне возможно поддерживать связь с местом своего происхождения, оставаясь при этом верным гражданином постоянного места проживания. Мусульмане должны разъяснить это людям стран, в которые они эмигрируют. Мусульмане

должны искать точки соприкосновения относительно достойных дел. Они должны быть в авангарде воспитания духа глобальной принадлежности¹⁰.

7. *Представительство и участие (шūrā)*

Совещание, или *ал-шūrā*, — это жизненно важный процесс и важный институт в исламе, имеющий решающее значение в ценностно ориентированном контексте. Различные уровни отношений в исламе основаны на совещании, а не на принуждении или навязывании мнения. Таким образом, концепция управления, администрирования и лидерства основана на участии. Это значит, что те, кого затрагивает принимаемое решение, имеют право на надлежащее консультирование.

8. *Верховенство закона*

Суть верховенства закона в исламе можно суммировать в четырех пунктах:

- а) равенство всех перед законом, когда никто не стоит выше закона, когда законы основаны на объективных, доступных правилах;
- б) независимая судебная система;
- в) правоприменение является гражданским и беспристрастным;
- г) разрешение конфликтов происходит либо в рамках правовой системы, либо политической, либо в рамках обеих систем, без применения насилия со стороны граждан или государства.

9. *В поисках общего основания для достижения взаимного блага*

Естественной человеческой склонностью является подчеркивать и преувеличивать различия больше, чем то, что является общим. Мусульмане в данном случае не исключение. Ислам приглашает людей к чистой истине, а когда возможно и уместно, также стремится обозначить общее основание и строить на нем.

10. *Отказ от насилия как нормы*

В исламе нормой являются мир и ненасилие. Ислам отвергает насилие в форме неоправданной агрессии, но не запрещает оправданного применения силы. При этом единственно допустимой формой применения силы является самооборона, без инициирования силовых действий, без излишеств и при соблюдении строгих правил в рамках верховенства закона. В противном случае мусульманам никогда не разрешается прибегать к насилию, особенно в форме боевых действий.

11. *Беспристрастность*

Поскольку приговор Аллаха будет иметь место в будущей жизни, важно, чтобы все вердикты, касающиеся вопросов поклонения, были возложены на одного Аллаха, и мусульмане не должны судить своих соотечественников в этом отношении.

---

¹⁰ M. O. Farooq, *The Spirit of Global Belonging: Perspectives from Some Humanity-Oriented Icons* (2006), http://www.nazrul.org/works_on_nazrul/articles/global-belonging.doc [Accessed June 21, 2007].

12. Внимание содержанию, а не форме

«Вера» выродилась в простой оборот речи, пустое слово, лишенное той искры энтузиазма, которая в первые дни нашей [исламской] истории вдохновляла мусульман на непреходящие дела культурных и социальных достижений. Несомненно, ислам все еще жив в виде *эмоции*. Он живет в безотчетной любви бесчисленных миллионов людей, смутно ощущающих, что его принципы «верны». Но лишь очень немногие из них понимают эти принципы интеллектуально и способны или действительно подготовлены к их практическому воплощению¹¹.

Фундаментальной проблемой, с которой сегодня сталкиваются мусульмане, стало то, что содержание с точки зрения лежащего в основе духа и ценностей отделено от формы и ритуалов. Таким образом, большое внимание уделяется запоминанию Корана, а не изучению и пониманию его послания.

13. Восприятие жизненного опыта как части коллективного разума. Кривая обучения

Вопреки традиционалистскому пониманию и подходу, ислам не должен представлять собой верование, ориентированное исключительно на текст. Бог, кажется, желает, чтобы в попытке понять этот мир люди извлекали пользу из жизненного опыта. Он повелевает человеку путешествовать, видеть и узнавать историю. Вместо того, чтобы закапываться с головой в священные книги, имеющиеся способности стоит применять для наблюдения, обдумывания и размышления о реальности.

Итак, данный список ценностей ни в коем случае не является исчерпывающим. Вышеупомянутые ценности и принципы основаны непосредственно на Коране, они подробно описаны и должным образом подтверждены в Книге. Они должны находиться среди основных параметров, влияющих на процесс вывода и установления исламских законов, происходящих из внекоранических источников. Когда источники помимо Корана, в том числе хадисы, противоречат этим ясным принципам (как передавший последнюю весть от Бога, Пророк не может противоречить Корану своей жизнью), эти принципы и ценности должны находиться в приоритете. Более того, что касается законов и кодексов, то к ним нельзя подходить атомистически, как показывает опыт законничества. Следовательно, без убедительных доказательств обратного любые законы и кодексы, выведенные при участии человека, не должны нарушать или ставить под угрозу принципы Корана.

---

¹¹ М. Asad, *This Law of Ours*, pp. 30–31.

Глава третья

Исламский закон, использование и злоупотребление хадисами

Коран — основополагающий источник ислама. Вторым его источником является Сунна, описывающая образ жизни Пророка, пример, который он подал нам в своих отношениях, действиях и высказываниях. Он формирует структуру веры. В ходе обсуждения будут рассмотрены некоторые жизненно важные вопросы, относящиеся к предмету хадисов, а также проанализированы некоторые проблемы, связанные с неправильным использованием хадисов при выводе, формулировании и оценке законов.

Для простоты и ясности термины «хадис» и «Сунна» используются в данной работе как синонимы. Под Сунной должно пониматься «нормативное, образцовое поведение и пример следования, что в своем первичном смысле означает “подавать пример”»¹². Тем не менее есть ряд, как правило, неверных позиций относительно *ḥādīṣ* / сунны.

Среди таких позиций имеется одна, предполагающая, что, если хадис цитирует Пророка, это указывает на точность его высказывания. Однако у читателей может сложиться оправданное впечатление, что точные слова Пророка содержатся в хадисе без пояснения и что соответствующий отрывок, как правило, перефразирован. Не каждый сборник хадисов указывает на разночтения. Разночтения в повествовании не позволяют подтвердить точные слова, использованные Пророком.

Вторая примечательная позиция заключается в том, что *ṣaḥīḥ* (достоверные) высказывания можно найти в любом сборнике хадисов, кроме тех, которые специально составлены из недостоверных хадисов для сравнения. Существует шесть канонических сборников, известных под общим названием *Ас-Ṣaḥīḥ Ас-Ситта*. Однако высококвалифицированные специалисты по хадисам подтверждают, что даже в сборнике ал-Бухари не все сообщения бесспорны. Более того, даже достоверные хадисы могут интерпретироваться по-разному, а человеческая интерпретация склонна к ошибкам.

В-третьих, широко распространено мнение о том, что между хадисами не существует противоречий. Однако есть много примеров противоречивых хадисов, например тех, которые связаны с темой *риба* (ростовщичество).

---

¹² M. Y. Guraya, *Islamic Jurisprudence in the Modern World* (Lahore, Pakistan: Sh. Muhammad Ashraf, 1993), p. 76.

В-четвертых, существует вера в то, что литература хадисов предоставляет достоверные и окончательные знания и информацию. Фактически только *мутавâtир би ал-лафз* хадисы (постоянно повторяющееся, слово в слово, свидетельство многочисленных рассказчиков) дают достоверные знания. Даже хадис категории *мутавâtир би ал-ма'на* (по значению) не дает достоверного знания. На самом деле количество *мутавâtир би ал-лафз* — всего лишь горстка (несколько десятков), как подтверждают исследователи хадисов. Таким образом, почти вся литература по хадисам состоит из *âхâд* (не *мутавâtир*) повествований, которые дают вероятностное знание, но как таковые не дают достоверного знания. Дополнительная осторожность необходима в обращении к ним при формулировании законов, кодексов и догматов. Тем не менее большинство исламских ученых придерживаются мнения, что *âхâд* хадисы можно использовать для получения обязательных законов или правовых сводов.

Таким образом, важно решить проблему правильного и неправильного использования хадисов при формулировании и ратификации исламских законов. Развитие законнической тенденции имеет несколько последствий. Размежевание на различные *мазхабы* (школы юриспруденции), хотя и принесло определенную пользу, в большей степени привело к фрагментации мусульманского общества. Второе и более важное последствие этой тенденции связано со многими законами, принятыми во имя ислама, которые демонстрируют явную гендерную предвзятость, а также поощряют другие несправедливые тенденции, несовместимые с исламским принципом справедливости и беспристрастности. Последний пункт требует пояснения.

Пророк выступал за регулярное и беспрепятственное участие женщин в жизни мечети. Однако во многих странах с мусульманским большинством и даже в западных государствах сложно увидеть большое собрание женщин, участвующих в коллективных молитвах (намазах), проводимых в мечетях из-за ограничивающего их и неблагоприятного окружения. Если по какой-то причине мужчинам приходится «терпеть» присутствие женщин, они делают это присутствие трудным и невыносимым. Давайте рассмотрим два хадиса, к которым обычно обращаются.

Абдулла ибн Мас'уд передал: «Пророк сказал: “Для женщины лучше молиться в своем доме, чем во внутреннем дворе, и лучше, если она молится в своей личной комнате, чем в своем доме”»¹³.

Передает Аиша: «Если бы Посланник Аллаха знал, что делают женщины, он бы запретил им ходить в мечеть, как это было запрещено женщинам Бани Исраэль. Яхья бин Саид (рассказчик) спросил Амру (еще один рассказчик): “Разве женщинам Бани Исраэль было запрещено?” Она ответила: “Да”»¹⁴.

¹³ A. Hasan (trans.), Sunan Abu Dawud (1990), vol. 1, kitâb al-Adab, hadith no. 570.

¹⁴ M. M. Khan (trans.), Sahîh al-Bukhâri, vol. 1, hadith no. 828.

Даже будучи *сахих* (но не *мутаватир*) хадисом (переданный Абдуллой ибн Масудом), он не сообщает должной уверенности знанию, необходимому, чтобы гарантировать правдивость слов Пророка по данному вопросу. Данной традиции противоречат очень многие сообщения, в которых говорится, что женщины посещали мечети регулярно и их присутствие было многочисленным. Следовательно, либо женщины, участие которых в общественной молитве рассматривается, не заботились о наставлениях Пророка, сказанных для них (даже в его собственном присутствии), либо они понимали данный хадис совершенно по-иному.

Что же касается второго из двух повествований, хотя этот хадис включен в *Сахих ал-Бухари*, это не утверждение, исходящее от самого Пророка. Фактически это просто мнение одного из сподвижников, хотя и великого и особенно близкого, который также является женой Пророка. На техническом исламском жаргоне этот тип повествования называется *атар*. Однако, несмотря на то, что мусульмане очень уважают и почитают — вполне заслуженно — в качестве сподвижника рассказчика хадисов и его жены этого передатчика, все же указанный хадис представляет собой лишь единичное мнение, исходящее не из уст Пророка. Нет абсолютно никакой подтверждающей информации, заявлений или сообщений, относящихся к тому же периоду, которые указывали бы на то, что женщины совершали какие-то вопиющие действия в мечетях. Тем не менее они оказали глубокое влияние на мусульманскую культуру, что привело к серьезным ограничениям на их участие в общественной жизни.

Другим примером последствий подобного рода тенденции является отстранение женщин от руководящих позиций. Одно-единственное (*ахад*) высказывание Абу Бакры (не путать с первым Халифом Абу Бакром) привело к жесткой ортодоксальной позиции, в соответствии с которой женщинам запрещается осуществлять исполнительное руководство.

Передал Абу Бакра: «Во время битвы при Ал-Джамале Аллах дал мне слово (я слышал от Пророка). Когда Пророк получил новость о том, что народ Персии сделал дочь Хосрова своей царицей (правителем), он сказал: “Никогда не добьется успеха та нация, которая делает женщину своим правителем”»¹⁵.

Однако известно, что этот человек, Абу Бакра, получил наказание, предусмотренное за дачу ложных показаний¹⁶. Более того, данный хадис не соответствует стандартам, установленным самим ал-Бухари, хотя он и включил его в свой сборник. В Коране рассказывается история Билкис (или Балкис), царицы Савской (Шебы), без какого-либо намека на негативное отношение к женскому лидерству. Тем не менее этот единичный

---

¹⁵ M. M. Khan (trans.), *Sahih al-Bukhari*, vol. 9, hadith no. 219.

¹⁶ F. Mernissi, *Veil and the Male Elite: A Feminist Interpretation of Women's Rights in Islam* (Reading, Massachusetts: Perseus Books, 1987), pp. 49–61, citing Ibn al-Athir, *Usd al-Ghābah*, vol. 5, p. 38.

(*āḫād*) хадис столь сомнительного и спорного происхождения установил радикальный и часто строгий запрет на руководство со стороны женщин.

Среди наиболее ярких примеров злоупотребления хадисами — наказание за вероотступничество¹⁷. Один из приговоров за оставление веры (*ридда*) состоит в том, что это не только наказуемое деяние, но деяние, наказуемое смертью [хотя в реальности многие свободно оставляют веру и не получают за это смертного приговора]. Вот одно конкретное высказывание по поводу данной позиции, касающейся вероотступничества: «Убей того, кто меняет свою религию (*ман баддала динаху фактулаху*)»¹⁸. Это *āḫād*, или единичный хадис. Нет ни одного хадиса, подтверждающего устоявшуюся практику Пророка и указывающего на конкретный акт наказания исключительно для тех, кто совершил вероотступничество. Фактически Пророк продемонстрировал обратное. Конечно, если бы наказанием действительно служила смертная казнь и это было бы слишком серьезным вопросом, то Коран однозначно говорил бы об этом. Но и это тоже не так. Коран совершенно категорично стоит на позиции свободы вероисповедания. Тем не менее многие ученые отказались от высших коранических принципов в пользу единичного хадиса. Хотя, к счастью, эта тенденция меняется.

Несмотря на кропотливые усилия наших ученых в исследовании и тщательном отборе сокровищ хадисов, факт остается фактом: хадисы обычно дают только вероятностные знания. Следовательно, данный свод литературы хадисов, имеющийся у нас сегодня, необходимо использовать больше как источник информации, а также для морального вдохновения и мудрости. В то же время требуется гораздо более сдержанный подход при использовании хадисов для разработки законов и правовых сводов, имеющих прямое и серьезное влияние на жизнь, честь и собственность людей. Это ограничение еще более важно применительно к законам и сводам правил, которые могут привести к дискриминации и несправедливости.

---

¹⁷ Примечание редактора: см. также Abdul Hamid Abu Sulayman, *Apostates, Islam & Freedom of Faith: Change of Conviction vs Change of Allegiance*, Occasional Paper no. 22 (Malta: ИИТ, 2013).

¹⁸ М. М. Khan (trans.), *Sahih al-Bukhāri*, vol. 9, hadith no. 57. Список других источников, где встречается этот хадис, а также его критический анализ см.: A. Shafaat, “*The Punishment of Apostasy in Islam (Part II): An Examination of the Hadiths on the Subject*,” http://islamic-perspectives.com/PunishmentOfApostasy_Part2.html [Accessed October 29, 2006].

Глава четвертая

Доктрина *иджмы*: существует ли консенсус?

Иджма, или консенсус, — один из четырех источников исламской юриспруденции. Коран и Сунна являются двумя основными и основополагающими источниками ислама, а *иджма* и *кийас* (суждение по аналогии) представляют собой два второстепенных источника. Идет ли разговор о догматах, нормах, законах или кодексах, *иджма* признается занимающей центральное место в исламском дискурсе и социально-религиозном единстве. Обсуждение касается предмета *иджмы*, где большинство относящихся к данной концепции утверждений оказываются необоснованными и несостоятельными, поскольку основаны на постоянном отсутствии консенсуса относительно почти всех аспектов *иджмы* как источника исламской юриспруденции.

Несмотря на устоявшееся положение *иджмы* в исламской юриспруденции, рядовые мусульмане, как правило, не знакомы с тем фактом, что *иджма*, как авторитет или источник исламской юриспруденции, имеет под собой довольно хрупкое основание. Хотя *иджма* в определенной мере играла интегрирующую роль в исламском правовом дискурсе, но она также способствовала укоренившемуся расколу. Однако еще более важным является наличие злоупотреблений *иджмой*, поскольку часто апелляция к ней используется в качестве инструмента для успокоения оппонентов или для того, чтобы допустить злоупотребления посредством многократных утверждений о применении *иджмы* к чему-то, где она не очевидна. Этот вопрос жизненно важен, потому что, согласно традиционному мнению, наличие *иджмы* в отношении чего-либо, будь то ссылка на догму или правовой вопрос, не является обязательным для мусульман.

Ниже приведены некоторые примеры, когда среди мусульманских ученых и правоведов было обычной практикой заявлять о консенсусе (*иджме*): объявление *талāқа* (развода) трижды за раз считается действительным; молитва *таравих* включает 20 *ракатов*; руководство со стороны женщин запрещено; *талфик* (смешение мнений разных мазхабов) недопустим и многое другое.

Во-первых, проблема с *иджмой* начинается с определения самого термина. Нет *иджмы* (консенсуса) относительно толкования *иджмы*. Фактически вопрос об определении *иджмы* не поднимался до времени деятельности имама Шафии (ум. 820 г. н. э.). Лишь в конце X века начали появляться попытки исламских ученых разобраться с пониманием *иджмы*. Многие среди них были не согласны с критериями определения *иджмы*. Сами сподвижники Пророка не имели надлежащего уровня консенсуса

по широкому кругу вопросов, чтобы квалифицировать их мнения как *иджма* (*иджмā' ас-сахаба*).

Во-вторых, нет единого мнения о том, из какого источника исходит авторитет *иджмы*. Некоторые ученые попытались определить соответствующие разделы Корана, которые подтверждают ее статус как одного из высших авторитетов исламской юриспруденции. В то же время известные ученые опровергли данное утверждение. Наиболее часто цитируемым хадисом, приводимым в поддержку *иджмы*, является следующее высказывание Пророка: «Моя община (*умма*) никогда не согласится с ошибкой»¹⁹. Но варианты того же самого хадиса можно найти и в других сборниках. Фундаментальная проблема с этим или иными хадисами, упомянутыми в поддержку *иджмы*, состоит в том, что рассматриваемые традиции не являются *мутаватир* и, таким образом, не дают уверенности в знании, будь то с точки зрения фактического текста, его смысла или значения. Как упоминалось выше, за исключением нескольких высказываний, большинство не являются *мутаватир*, вместо этого подавляющее количество высказываний являются *ахад*, то есть одиночными. И даже если они достоверны (*сахих*), их фактический статус является вероятностным в той или иной степени.

Доктрина *иджмы* сыграла жизненно важную роль в появлении мазхабов (богословско-правовых школ), представляющих собой систематизацию как методологий, так и сводов законов, кодексов и догматов. Разнообразие мыслей и границы разногласий в определенном смысле могут свидетельствовать о динамизме. Однако было сочтено желательным, чтобы в каждом мазхабе выкристаллизовалось широкое согласие или почти достигнутый консенсус в отношении различных аспектов поклонения и ритуалов. Но это не означает, что вопросы относительно того, соответствует ли молитва *таравих* восьми или двадцати *ракатам*, или следует ли произносить «аминь» вслух в общей молитве, решались в мазхабах на протяжении пятнадцати веков.

Фактически систематизация законов и кодексов привела к жесткости и нетерпимости на межмазхабском уровне. Например, согласно ханафитскому мазхабу брак между мужчиной-ханафитом и женщиной-шафииткой является действительным, в то же время в соответствии с шафиитской школой он таковым не является²⁰. Элементы исламских законов и сводов правил стали несовместимы не только с современной эпохой, но и с самими принципами и ценностями ислама, которые, как предполагается, должны соблюдаться данными законами и правовыми сборниками.

---

¹⁹ M. T. Ansari (trans., with introduction and notes), Sunan Ibn-e-Majah (New Delhi, India: Kitab Bhavan, 2000), vol. 5, kitāb al-Fitan, hadith no. 3950, p. 282.

²⁰ B. M. Dayal (trans., with introduction and notes), The Durr-ul-Mukhtar: M. Ala-ud-din Haskafi (New Delhi, India: Kitāb Bhavan, 1992), vol. 2, p. 351; также см. в этой книге следующую главу о *кийас* для получения более подробной информации.

Еще один важный аспект, имеющий отношение к *иджме* и требующий критического внимания, заключается в том, что процесс *иджмы* не может быть элитарным. С людьми, на жизнь которых может повлиять какое-либо решение или политика, необходимо консультироваться при выведении *иджмы*. Конечно, непрактично, если бы вся *умма* напрямую была вовлечена в этот процесс. Но именно здесь становится актуальным принцип *шūr̄bī*. И *шūr̄ā*, и проблема *иджмы* должны быть согласованы и интегрированы для разработки процесса принятия решений, основанного на представительной форме, для обеспечения функциональности и динамизма. В соответствии с этой мыслью закон становится исламским, когда он отвечает следующим условиям: (а) формулировка закона уходит корнями в основополагающие источники ислама, (б) он получен с явным вниманием к *мақāсид* и ценностям ислама, и наконец, (в) принятие и утверждение закона обществом осуществляется через *шūr̄ū*.

Иджма сыграла важную роль в истории ислама и имеет отношение к ряду аспектов юриспруденции. Аргумент настоящей главы, однако, состоит в том, что мусульмане не нуждаются и не должны заявлять о божественной святости данной концепции, которая просто не обладает таковой. Более того, как объяснялось выше, за исключением нескольких общих и основополагающих вопросов, по которым действительно существует *иджма*, или консенсус, больше нет ничего. Таким образом, мусульманам необходимо проявлять осмотрительность в принятии любых утверждений, которые представляются в качестве доказательства законности наличия *иджмы*. Соответственно, сознательные мусульмане должны вновь посвятить себя практике ислама и прожить свою жизнь в соответствии с динамичным методом решения проблем и ценностной ориентацией, вместо того чтобы слепо придерживаться жестких догматов или потворствовать своим желаниям предаться законничеству.

Глава пятая

Кийас (суждение по аналогии) и проблематичные вопросы в исламском праве

Ученые-хадисоведы оказали всем неоценимую услугу по созданию различных сборников хадисов и по разработке методов их аутентификации. Сами по себе отдельные хадисы не являются ни божественными, ни непогрешимыми. Еще меньшей божественностью в своем происхождении могут похвастаться два других источника исламского права — *иджма* и *кийас*. *Кийас* является четвертым источником исламского фикха, а также действенным и полезным инструментом исламской юриспруденции. Обсуждение *кийаса* в данной главе связано со многими концептуальными проблемами и тревожными примерами неправильного применения этого инструмента в исламском правоведении.

Во многих случаях, когда наши юристы сталкивались с новыми ситуациями, они успешно и эффективно применяли *кийас* для поиска новых решений. Как мусульмане все мы извлекаем пользу из их драгоценного и благородного вклада в этой сфере. Ни Коран, ни Сунна / хадисы не охватывают все ситуации, с которыми могут столкнуться приверженцы ислама. Именно в подобных ситуациях появляется *кийас*, или аналогичное суждение, для которого «коренное значение слова... “измерение”, “согласие” и “равенство”»²¹. «*Кийас* означает поиск сходства между новыми ситуациями и ранними практиками, особенно практиками Пророка»²². Однако *кийас* представляет собой неоднозначное благословение.

Подобно ошибочным методологиям и категоризациям, которые мы рассмотрели в отношении *иджмы*, одно определенное утверждение, выводимое из консенсуса сподвижников Пророка относительно *кийаса*, также является несостоятельным. Многие сподвижники Мухаммада применяли то, что они знали, к ситуациям, которые были неизвестны, но похожи на ранее установленные практики, и, таким образом, то, что они делали, приравнивалось к *кийас*. Однако утверждение о том, что сподвижники Пророка знали, что это представляет собой *кийас*, что они обсуждали ситуацию соответствующим образом и после этого приходили к консенсусу, трудно поддержать. В Коране нет стиха, в отношении которого ученые могли бы согласиться, что он четко представляет собой

---

²¹ M. Muslehuddin, *Philosophy of Islamic Law and the Orientalists* (New Delhi, India: Taj Company, 1986), p. 140.

²² A. AbuSulayman, *The Islamic Theory of International Relations: New Directions for Islamic Methodology and Thought* (Herndon, Virginia: International Institute of Islamic Thought, 1987), p. 66.

основу *кийаса*. Точно так же ученые используют Сунну, прибегая к помощи сборников хадисов, чтобы установить дополнительное текстовое обоснование *кийаса*, но и там нет никакого реального основания, в отношении которого можно было бы договориться.

Между *иджмой* и *кийасом* существует очень тесная связь. Однако для того, чтобы результат аналогичной дедукции (*кийас*) был широко принят, он также должен быть подтвержден *иджмой*. В этом заключается аномалия рассуждений.

Несмотря на то, что те, кто следует четырем основным суннитским школам мысли, обычно принимают *кийас* как один из четырех источников исламской юриспруденции, существуют значительные разногласия по поводу того, что же такое *кийас*, его масштабы и метод проверки. В отношении *кийаса* нет единого мнения. Каждая школа предпочитает собственное определение, делающее свой особый акцент или подчеркивающее отдельный нюанс. Например, для аш-Шафии *кийас* и *иджтихад* являются синонимами, в то время как для других ученых это не так. Общий знаменатель во всех случаях между четырьмя школами включает определение *'илла* (действующая причина закона). Подобно тому, как отсутствует единое согласие с тем, что *кийас* представляет собой обоснованную методологию исламской юриспруденции, нет и единства во мнениях по поводу того, что составляет *'илла*, как она выводится и даже как подтверждается²³.

Еще одна проблема с *кийасом* как методологией источника и основанием исламской юриспруденции серьезно усугубляется отсутствием согласия относительно взаимосвязи между *асл* (исходный случай) и правомерностью основанных на *кийас* и полученных с его помощью правил. *Кийас* представляет собой умозрительное доказательство, поскольку основан на человеческих рассуждениях, допускающих наличие ошибки. Таким образом, когда безошибочные божественные источники и приходящие земные источники, подверженные ошибкам, становятся частью единого инструментария, могут произойти эксцессы, если не будет должным образом учтен и явно признан соответствующий уровень сознательного смирения в отношении человеческой склонности ошибаться.

Есть и другие причины, по которым применение *кийас* проблематично, как, например, в случае с *каф'а'* или *куф'у'* (равенство в браке). Тот факт, что потенциальные партнеры в браке должны иметь много общего друг с другом или иметь как можно более сопоставимое происхождение, является простым суждением здравого смысла. Однако перевод данного вопроса в юридическое требование и рассмотрение конкретных его нарушений как случая правового вмешательства со стороны членов семьи

---

²³ N. Shehaby, "Illa and Qiyas in Early Islamic Legal Theory," Journal of American Oriental Society 102(1) (Jan-Mar, 1982), pp. 27–46.

и *кади* (судьи) является иллюстрацией законнической тенденции. В одном ханафитском тексте, *Ал-Хида́йа*, работа ал-Маргинани (ум. 1197 г. н. э.)²⁴, читаем: «...при подтверждении брака и установлении его действительности; ибо, если женщина должна сочетать себя с мужчиной, занимающим положение ниже ее собственного, ее опекуны имеют право разлучить их, дабы устранить бесчестье, кое они в противном случае могли бы навлечь сим на себя»²⁵.

Проблема данного отрывка состоит в том, что нечто определяется как «требование» при вступлении в брак, когда ни Коран, ни Сунна не говорят ничего подобного. Более того, утверждение, что опекуны двух предполагаемых партнеров по браку могут на законных основаниях вмешаться через судебную систему в их отношения с целью расторжения предполагаемого брака, если последний не соответствует этим требованиям, является необоснованным. Дается текстовое подтверждение: «Аиша сообщила, что Пророк сказал: “Выбирайте для своих отпрысков лучших женщин, выходите замуж за сопоставимых [по-арабски *акфа*] и делайте им предложение руки и сердца”»²⁶.

Данное высказывание не содержит ни *мутавāтир би ал-лафз* (точные слова), ни *мутавāтир би ал-ма'нā* (точное значение). Если бы повествование было отнесено к категории *сахйх*, иначе известному как достоверный хадис, даже тогда достоверность знания не достигалась бы. Однако более серьезной проблемой является то, что этот хадис даже не *сахйх*. Более того, если не считать приведенного хадиса, изучение хадисоведческой литературы обнаруживает отсутствие каких-либо других повествований, касающихся данного предмета. Только предположения могут объяснить изобретение закона, выведенного из этого повествования, нарушение которого может быть предметом судебного вмешательства. Позднее ряд ученых подняли проблему равенства до такого уровня, что она попала в сферу применения *кийаса*, даже несмотря на то, что подобная аргументация не поддерживается ни Кораном, ни Сунной.

Идея «равенства» перевернута с ног на голову, что противоречит изначальным исламским принципам и ценности справедливости и эгалитаризма. Отвечая на дальнейшие разделы *Ал-Хида́йа*, можно заявить, что, если женщина является взрослой и желает вступить в брак, несмотря на очевидное несоответствие, безусловно, это должно быть ее прерогативой. Необходимость профессионального равенства не является строгим

---

²⁴ [Английский] перевод издания *Ал-Хида́йа*, из которого был взят отрывок, плохой, составлен на архаичном английском языке. Также нелегко распознать транслитерацию некоторых терминов и имен. Поэтому пришлось сделать ряд замен и включить аннотирование, чтобы придать рассматриваемому отрывку больше ясности.

²⁵ С. Hamilton, *The Hedaya or Guide: A Commentary on the Mussulman Laws* (trans., with introduction and notes) by Al-Marghināni, 2nd edn. (Karachi, Pakistan: Darul Ishaat, 1989), p. 110.

²⁶ Ansari (trans.), Sunan Ibn-e-Majah, vol. 3, hadith no. 1968.

требованием. Что вызывает особый протест при чтении текста трактата, так это отнесение парикмахеров, ткачей, кожевников и так далее к представителям недостойных профессий. Фактически нигде нет свидетельств того, что Пророк делал какие-то заявления, порочащие ту или иную профессию. Скорее, он признавал и чтит любой честный труд. В своей последней проповеди Пророк опроверг все дискриминационные и несправедливые представления, когда сказал:

Всё человечество — от Адама и Евы. Араб не имеет никакого превосходства над неарабом, и неараб не имеет никакого превосходства над арабом; белый не имеет никакого преимущества перед черным, черный не имеет преимущества перед белым; (никто не имеет превосходства над другим), кроме как в благочестии [*тақвā*] и хорошем нраве.

Невероятно, но отрывок из *Ал-Хидайа*, посвященный этой теме, начинается со вступительного замечания: «*Кафат* буквально означает равенство»²⁷. Однако правовой анализ и рассуждения превратили проблему равенства в одобрение неравенства. То, что якобы было сформулировано для защиты прав и статуса женщин и их семей, вместо этого стало гарантом их неполноценности. Как ученые могут трансформировать проблему равенства в проблему, предполагающую низший статус? Через необоснованное приукрашивание *кийас*.

В данной главе подробно освещен ряд других важных вопросов, по которым правила применения *кийас* были нарушены.

---

²⁷ С. Hamilton (trans.), *The Hedaya*, 1989, p. 110.

Глава шестая

Исламский фикх (закон) и забытое эмпирическое основание

Нам необходимо задать множество различных, относящихся к нашему исследованию вопросов о причинах такого большого количества несправедливости и удручающего оскудения в мышлении мусульманских сообществ и общин. Этот упадок развивался постепенно, и теперь мусульманские общества фактически нефункциональны как из-за внутренних, так и внешних факторов. Они не в состоянии самостоятельно решать многие свои проблемы, не говоря уже о возможности конкурировать с развитым миром. Например, почему присутствует разрыв между существующими исламскими законами и реальностью на местах с точки зрения решения проблем и соблюдения исламских принципов справедливости и равновесия? Почему многие мусульманки восстают против некоторых ключевых положений классических законов, вместо этого обращаясь к светским законам? Почему мусульманские общества страдают от проблемы повсеместной бедности и нищеты, устаревшего образования, а также технологической отсталости?

Важно понимать, что, пытаясь найти ответы на эти вопросы, необходимо признать тот факт, что исламскому праву, или фикху, не хватает систематической эмпирической основы (термин «эмпирический» в данном случае не следует путать с эмпиризмом в узком смысле, то есть практикой полагаться только на наблюдение и эксперимент). Обсуждение здесь касается ключевого аспекта исламского права и юриспруденции, а именно того факта, что обеим дисциплинам не хватает адекватного эмпирического основания, «эмпирического» в современном смысле.

Сосредоточение на тексте или полная ориентация на него не только в огромной степени ответственны за потерю динамизма в исламе и в его законодательной практике. Это также привело к тому, что немусульмане, изучавшие ислам, оказались подвержены неправильному пониманию этой веры и склонны к неверной интерпретации. Традиционный ислам является редуکتивно-законническим, инкапсулированным в слои первичных, вторичных и третичных текстов, очень часто оторванных от суровых реалий жизни. Подобно тому, как исследования и эмпирическая работа, проводимая для полной оценки проблемы до формулирования или принятия закона, практически отсутствуют в данном контексте, также отсутствуют исследования и эмпирическая работа, направленные на определение воздействия и последствий конкретных юридических формулировок и постановлений.

Речь идет о социальных последствиях традиционного наследования. Шариат гласит, что здравствующие члены семьи и родственники имеют

обозначенные доли, определяемые исключительно со ссылкой на текстовые источники. Однако не существует современных исследований, посвященных влиянию этих законов на женщин, которые обычно составляют один из наиболее уязвимых слоев общества. Мужчины могут легко освободиться от семейных уз и обязательств, в то время как женщины не могут этого сделать. Считается и утверждается, что женщину всегда кто-то поддерживает: ее отец, муж, брат, сын или правительство и общество. Но оценить бедственное и уязвимое положение многих женщин, особенно из бедных слоев общества, невозможно без соответствующих эмпирических социологических исследований природы и масштабов проблемы, возникающей из-за жесткости законов о наследстве. Изолированный подход, сосредоточенный исключительно на формулировании и принятии законов, игнорируя принципы Корана и Сунны, может привести к несчастным для многих последствиям. Тем, кто имеет право делать это, необходимо узнать, что происходит в реальной жизни с реальными людьми, чтобы определить, почему существует серьезный разрыв между реальностью и высшими целями закона. Только тогда они смогут восполнить существующий пробел в знаниях.

Другой пример — полемика по поводу исламской экономики и финансов. Из-за дихотомии религиозного и светского образования лишь немногие мусульманские юристы и ученые в достаточной мере знакомы с современной финансово-экономической системой. Однако этот недостаток не мешает им издавать *фетвы* (юридические заключения с религиозной точки зрения) по соответствующим вопросам. Хотя существуют эмпирические исследования сторонников исламского банкинга и финансов, есть две основные проблемы, касающиеся отношения ученых, занимающихся данной тематикой. Во-первых, они обычно забывают упомянуть, что постоянная ссылка на четыре источника — Коран, хадисы, *иджму* и *кийас* — является спекулятивной и приводит к вероятностному знанию. Таким образом, любая издаваемая фетва не имеет ничего общего с Божественной заповедью; скорее, это не более чем основанные на Коране и Сунне человеческие построения. Во-вторых, те же эксперты не признают существования эмпирических исследований, которые опровергают их утверждения. Поскольку религиозные правоведы и ученые не знакомы с важностью и ролью эмпирической работы, они склонны делать необоснованные утверждения, чаще всего без конкретных эмпирических доказательств.

С эмпирической точки зрения примечательно, что, если и прибыль, и процентный доход больше достаются богатым, тогда не следует сосредоточивать основное внимание исключительно на процентах. Некоторые из широко распространенных идей о национальных финансах в исламском государстве крайне упрощены. Например, нереально ожидать, что верующие откроют свои копилки в любое время, когда того захочет

правительство. Это же относится к отстаиванию *закята* как средства удовлетворения потребностей правительства, особенно в то время, как все мусульманские государства являются какими угодно, но только не исламскими. А там, где существуют значительные разногласия по поводу того, может ли *закат* выплачиваться индивидуально или должен быть институционализирован, особенно через правительство, также неразумно и нецелесообразно настаивать на выплате *заката*. Требование к банкам предлагать беспроцентные ссуды правительству вызовет противодействие и будет осмеяно даже существующими исламскими финансовыми учреждениями. Такое постановление может привести к истощению их резервов, поскольку люди будут пытаться изъять свои наличные, если действительно подобного рода политика когда-либо будет успешно реализована. Запуск печатного станка по мере необходимости, как крайняя мера, и пренебрежение реформированием всего остального есть не что иное, как явное приглашение к экономической катастрофе. В самом деле, многие правоведы склонны писать без опоры на факты не только по знакомым им вопросам, например исламскому *фикху*, но и на другие темы (например, по экономике), по которым у них еще нет достаточного экспертного опыта.

Баланс между подходом, ориентированным на текст, и подходом, ориентированным на жизнь, требует, чтобы мы исследовали, понимали и определяли социальную реальность, процессы и изменения значимым образом. Мусульмане должны использовать эмпирические методы и в то же время избегать попадания в ловушку эмпиризма — теории, которая утверждает, что источником всех знаний служит чувственный опыт. Действительно, для многих мусульман камнем преткновения в понимании актуальности эмпирического подхода является узкое западное понятие эмпиризма (доверие только опыту и наблюдению). Первый шаг в решении любой проблемы заключается в ее тщательном разборе и понимании ее природы и масштабов. Для этого необходимо индуктивное исследование и изучение. В этом контексте мусульманам следует хорошо понимать не только Сунну Пророка, но и *суннат Алла̄*: Бог установил определенные законы (*суннат Алла̄*), регулирующие все природные, а также социальные процессы, которые, согласно Корану, не меняются²⁸.

Таким образом, на данный момент мы выделили три определяющих условия для исламского права: (а) формулировка закона должна основываться на первоочередных источниках ислама, (б) законы формулируются с явным вниманием к *мак̄асид* и ценностям ислама, и (в) принятие и введение в силу закона обществом осуществляется через *шӯра̄*. В свете данной главы перечисленные условия должны быть более

---

²⁸ М. О. Farooq, "Development Demystified: An Islamic Perspective," paper presented at the First Conference of NAAMPS, April 9–11, 1993, Chicago, Illinois.

детализированы. То есть закон считается исламским, если выполняются все три из следующих условий: (а) формулировка закона уходит корнями в основополагающие источники ислама, с должной жизненно-ориентированной, эмпирической осмотрительностью, (б) закон разработан с явным вниманием к *мақъсид* и ценностям ислама, и (в) принятие и введение в действие закона обществом осуществляется через институт *шўра*.

Глава седьмая

Заключение: на пути к нашей Реформации

Сегодня в мусульманском мире мы сталкиваемся с рядом проблем. Народы некоторых стран становятся участниками ужасающих конфликтов в рамках международной игры за власть с участием нефтедобычи. В других частях мусульманского мира сохраняется оккупация и эффективный контроль со стороны враждебных сил. Неграмотность и бедность особенно распространены в странах с мусульманским большинством. В ряде стран мира продолжается межрелигиозное насилие; в целом физическое насилие над женщинами является обычным явлением; «убийства чести» женщин все еще имеют место, хотя и не только среди мусульман. В самом сердце исламского мира женщинам отказывают в праве водить машину во имя ислама²⁹. Даже в «прогрессивных» странах с мусульманским большинством супруга-мусульманка может получить тройное разводное сообщение (необратимый развод) с помощью SMS на мобильный телефон. На Западе много мечетей, в которых присутствие женщин-мусульманок не приветствуется.

Многие из этих вопросов касаются преобладающей социокультурной и политической среды. Однако мусульманский ум и современная культура оказались в ловушке нынешней дисфункциональной, застойной ситуации, возникшей в результате существования глубоко обусловленного традиционалистского религиозного понимания и повиновения. Это стало возможным из-за ненадлежащей ретрополяции текстовых источников в целом и безрассудного использования хадисов, иногда сомнительных и недостоверных, в частности, для поддержки и доказательства [различных аргументов].

Во-первых, термин «шариат» в своем обычном использовании, как правило, вводит в заблуждение, поскольку ему приписывается множество посторонних атрибутов, таких как божественность, святость и неизменность. Когда в редуционистской манере шариат отождествляется с исламским правом, общество страдает от законничества. Отстранение от духа, целей (*мақасид*) или нормативных принципов ислама не только влечет за собой потерю социального динамизма, но и чрезвычайно обременяет жизнь масс трудными буквальными и абсолютистскими интерпретациями.

---

²⁹ С 26 сентября 2017 года указом саудовского монарха женщинам разрешили получать водительские удостоверения наравне с мужчинами (см.: В Саудовской Аравии женщинам разрешили водить автомобиль // ТАСС. 2018, 24 июня. <https://tass.ru/obschestvo/5318671>).

Во-вторых, Коран является кульминацией всех богооткровенных текстов, данных на протяжении истории человечества. Он занимает центральное и непреходящее положение в исламе. Сам Пророк не мог ему противоречить. Таким образом, ничто, опровергающее Коран, не может быть использовано и приведено в поддержку какой-либо доктрины, закона или свода правил. Это весьма важный момент, который обычно признается всеми мусульманами, но зачастую игнорируется на практике.

В-третьих, пророческое наследие или Сунна также жизненно необходимы для мусульман и для поддержания исламского образа жизни. В Коране Пророк назван образцом для подражания. Однако, как показано в третьей главе, традиционный взгляд на хадисы также необоснованно преувеличивает важность данного источника, ставя его в один ряд с Кораном и придавая хадисам некую степень божественности.

В-четвертых, распространенные представления об *иджме* несостоятельны и являются преувеличением. Не только не существует *иджмы* относительно определения самого термина, но и едва ли есть какой-либо аспект *иджмы*, по поводу которого возникает какое-либо согласие. Многие судебные приговоры, в отношении которых выдвигается *иджма*, отражают уникальный социально-исторический контекст, восходящий к временам Пророка и его сподвижников. При этом подробности и детали любого аспекта закона не могут оставаться универсальными на все времена.

В-пятых, *кийас* стал еще одним инструментом исламской юриспруденции, которым серьезно злоупотребляют. Любой закон, выведенный с помощью суждения по аналогии, не должен провозглашаться божественным, тем самым требуя от мусульман относиться к нему как к священному.

В-шестых, полученный свод исламских законов не имеет эмпирической основы. На сегодняшний день отсутствует придание жизненно важной роли исследованиям, касающимся определенных вопросов, необходимых для понимания и анализа проблемы как до, так и после формулирования и принятия закона.

Опять же закон следует рассматривать как исламский только при соблюдении всех трех из следующих условий: а) при формулировании закона опираются на основополагающие источники ислама в соответствии с ориентированным на жизнь эмпирическим подходом, при котором неукоснительно соблюдается должная осмотрительность; б) закон выведен с явным вниманием к *мақъсид* и ценностям ислама; и в) принятие и введение в силу закона обществом осуществляется посредством института *шўрā*.

Поиски конструктивного преобразования — это динамичный и увлекательный процесс. В стремлении к успеху как в этой жизни, так и в гря-

дущей ислам призывает всех постоянно быть нацеленными на позитивные изменения, то есть изменения, помогающие улучшить человека на всех уровнях его бытия и положительно затрагивающие жизни других. Конечно, перемены начинаются дома; они начинаются с нас в первую очередь. Те, кто ценит и стремится к таким изменениям активным образом, а не реакционно (как это происходит сейчас), изменят не только себя, но и других, проходя через этот процесс перемен.

Об авторе

Мухаммад 'Умар Фарук является руководителем Центра исламских финансов Бахрейнского института банковского дела. Его интересы включают исламскую экономику / банковское дело / финансы, исламское право и юриспруденцию, а также исламскую политическую экономию.

Оглавление

Про серию

3

Глава первая

Вступление

5

Глава вторая

Шариат, закон и Коран: законничество против
ценностно ориентированного подхода

7

Глава третья

Исламский закон, использование и злоупотребление хадисами

16

Глава четвертая

Доктрина *иджмы*: существует ли консенсус?

20

Глава пятая

Кийас (суждение по аналогии) и проблематичные вопросы
в исламском праве

23

Глава шестая

Исламский фикх (закон) и забытое эмпирическое основание

27

Глава седьмая

Заключение: на пути к нашей Реформации

31

Об авторе

34

Научно-популярное издание

Мухаммад ‘Умар Фарук
НА ПУТИ К НАШЕЙ РЕФОРМАЦИИ:
ОТ ЗАКОННИЧЕСТВА К ЦЕННОСТНО ОРИЕНТИРОВАННЫМ
ИСЛАМСКОМУ ПРАВУ И ЮРИСПРУДЕНЦИИ

ISBN 978-5-85803-596-1
(Петербургское Востоковедение)

Макет подготовлен издательством
«Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 2
e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: <http://www.pvost.org>

Главный редактор — *О. И. Трофимова*
Литературный редактор — *Н. Л. Товмач*
Технический редактор — *Е. М. Денисова*
Корректор — *Н. Л. Товмач*
Дизайн обложки — *И. Т. Картвелишвили*

Подписано в печать 23.02.2022. Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 2,25 усл. печ. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 140

PRINTED IN RUSSIA

Отпечатано в типографии ООО «Литография Принт»
191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8, офис 14
web-site: www.litobook.ru
e-mail: info@litobook.ru

Серия «МИР СОВРЕМЕННОГО ИСЛАМА» знакомит российского читателя с серией «Books-in-Brief», которая является собранием главных изданий Международного института исламской мысли, представленных в кратком изложении. Облегченный формат позволяет сэкономить время, однако дает читателю реальную возможность составить впечатление о полной версии каждой книги и помогает проникнуть в суть оригинала.

Серия состоит из своего рода синопсисов-обзоров полных изданий, которые, как мы надеемся, будут побуждать читателей к дальнейшему, более глубокому изучению оригиналов.

Настоящее издание заявляет о возвращении к ключевым исламским ценностям и отстаивает при этом ценностно-ориентированный подход. Автор показывает, что шариат, на деле являющийся подлинной основой для мусульманского общества, со временем превратился в запутанный лабиринт схоластических взглядов, препятствующий развитию уммы. А использование недостоверных хадисов и ошибочное внедрение закона о *ху́дуд* обернулось отходом от духа Корана и наследия пророка Мухаммада, создав тем самым предпосылки для возникновения псевдошариата.

Автор доказывает, что преобладающие в мусульманском мире условия не изменятся до тех пор, пока сначала не изменятся мусульманская мысль и понимание основополагающих источников ислама.

Книга будет интересна широкому кругу читателей, интересующихся современным исламским миром.

ISBN 978-5-85803-596-1

9 785858 035961